

*Александр
Тамоников*

**ОТКРЫТАЯ
РАНА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-43

Зверев, Сергей Иванович.

З-43 Открытая рана / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-226004-9

Послевоенная Москва. Поздним вечером сотрудниками трамвайного депо был найден мужчина в бессознательном состоянии. Денег, ценных вещей при нем не было. Фактов, которые свидетельствовали бы о попытке убийства, не найдено. Вывод — обычный разбой. Пострадавшим оказался Михаил Ленковский, ключевой сотрудник секретного оборонного предприятия. К расследованию подключают старшего оперуполномоченного управления контрразведки МГБ Москвы майора Ивана Шипова.

Чекисту пришлось прошерстить все значные места и допросить окрестных воров и барыг, втихаря скупающих краденое. Наконец, появилась зацепка: зэк по кличке Микроб признался, что видел неподалеку от места преступления «полторку», фургон «ГАЗ АА». Однако, поиск машины не дал никаких результатов.

И тут... происходит еще одно нападение на сотрудника того же секретного предприятия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С.И., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-226004-9

ГЛАВА 1

Михаил Ленковский, худой, высокий, нескладный, стоял, пошатываясь. Он был сильно избит и на ногах держался с трудом. Но сломен не был. Его плечи были расправлены, голова гордо поднята, взгляд с вызовом устремлен вперед, на врагов.

Рядом с ним покачивался под порывами ветра на ветке труп председателя сельсовета. Беднягу бандиты вздернули первым, по легкому варианту, даже не особо издеваясь, а просто мимоходом, сделав грязную, но такую нужную для них работу. Основную программу боли, унижений и жестокости главарь надрайонной Безпеки ОУН приберег именно для учителя. Вообще, этот отпетый националист испытывал загадочную слабость к работникам народного образования. Их он всегда приканчивал с особой свирепостью, за эту странную привычку и заслужил кличку Профессор.

В мае Профессор заявился в сельский клуб, на танцы, со своей боевой группой. Расставили всех по стеночкам. После чего на глазах у оне-

мевших от ужаса людей воткнул нож в живот молоденькой учительнице, прибывшей за неделю до этого по комсомольскому направлению из Ленинградской области. А потом, с кряхтением и видимым трудом, отрезал ей голову.

В этот 1946 год на Западной Украине под нашими ударами бандеровцы забились в глушь лесов, разбились на мелкие группы и от бессилия изменить ситуацию свирепели все больше, являя миру невероятные примеры жестокого озверения. И Профессор старался вовсю, реализуя лозунг отцов-основателей Организации украинских националистов: «Наша власть должна быть страшна».

В июне он посетил еще две школы. Ему сам процесс уничтожения учителей доставлял какую-то извращенную, гнусную радость — это было торжество средневекового мракобесия и кровожадности над лучиком надежды, который являли собой в этих местах педагоги, призванные учить детей доброму и вечному.

Вот и сейчас в селе Нижние Шатры группа Безпеки под предводительством Профессора захватила в плен председателя райсовета и местного школьного учителя. На месте убивать их не стали, решили растянуть удовольствие. Повели в березовый лес неподалеку от села, где как раз имелась подходящая полянка со стройными березами и уютно журчащим ручейком. Идиллический пасторальный пейзаж, как на картинах Ивана Шишкина. Прекрасное место для казни.

— Покайся, враг Украины. Легко умрешь, — весело и нервно хохотнул Профессор, и по его тону было понятно, что он врет и глумится. — Если хорошо покаешься. Искренне. И громко, на коленях!

Учитель не ответил ничего. У него не было шансов. Не было надежды. Осталась одна гордость, не дававшая ему согнуться. Он был уже мертв и отлично знал это. Единственное, что мог, так это уйти с честью. Чтобы в памяти людей Михаил Ленковский остался несломленным.

Мы почти успели. Но не совсем. Председателя уже не спасти — он болтался на дереве. Но учитель был еще жив. С ним вышла заминка. Ведь казнь для него припасли особую, по заветам предков — сгибаются два дерева, привязывается к ним человек, а потом стволы отпускаются, и жертву разрывает на части. Несмотря на сложности осуществления, бандеровцы этот вид казни практиковали достаточно часто. Для тех, кого особенно ненавидели. Единственная трудность — требовалось время на подготовку. И вот именно этого времени не хватило Профессору, чтобы доделать черное дело и уйти.

Появились мы неожиданно и стремительно. Все же почти пять лет я бегал с оружием по этим лесам, наработал соответствующие навыки выживания и охоты, включающие неожиданные появления, стремительные броски и атаки. Да и ребята в моей конспиративно-разведыва-

тельной группе подобались под стать, лесом ученые, в перестрелках опаленные.

Троих лесных нелюдей, поднявшихся из схрона, как нечистая сила, для свершения мерзостных злодеяний, мы положили сразу и наглухо — короткими автоматными очередями. Профессор же остался жив — я ему прострелил ногу и плечо. И теперь он, подвывая, стоял на коленях.

Нередко идейное бандеровское отребье принимало свою участь стойко — они будто принесли клятву служения смерти, так что и свою, и чужую погибель воспринимали как нечто естественное, неизбежное и даже желанное. И боль терпели стойко. А вот кровавый палач и конечный маньяк Профессор был из другого теста — он все пытался целовать нам руки и сапоги, вымаливая жизнь.

Конечно, мне надлежало довести его до ближайшей деревни, оказать там медпомощь, вызвать из райцентра подкрепление и доставить задержанного в каземат. После чего допрашивать, допрашивать и допрашивать, вытягивая явки, связи, схроны, пособников. Но у меня на глаза будто красная пелена опустилась. Эта мерзкая тварь своими «подвигами» сорвала во мне предохранители. Первый и последний раз я пошел на поводу у собственных чувств и поступил вопреки интересам службы. Просто не мог оставить эту мерзость топтать землю.

Отступив на пару шагов, я поднял ствол моего АС-44 — автомата Судаева — и разрядил в бан-

деровскую сволоочь остатки магазина. Переведя дыхание, оглядел свою группу.

Это был серьезный должностной проступок. Должи кто-нибудь, что оперуполномоченный ОББ НКВД угрохал важный источник информации, — и последствия могут быть если не фатальные, то неприятные.

Мои парни сделали вид, что смотрят в другую сторону. Ведь летний день такой пригожий. Птички в небесах летают. Лиса прошуршала, махнув хвостом. Благолепие. Просто нет времени обращать внимание на то, кто, кого и за что пристрелил.

Так что никто меня не сдал — команда у меня была сплоченная, друг за друга горой. Но урок этот я запомнил и больше себе такого не позволял.

Спасенный учитель Ленковский тогда только и произнес что-то типа:

— Спасибо вам, товарищи.

После чего сторбился. Присел на корточки, прислонившись спиной к стволу березы. Из него будто вытащили стальной стержень. Он огляделся осторожно окрест, лишь мазнув вскользь своим взором по телам врагов. В его глазах блеснули слезы.

Я прекрасно понимал его состояние. Он уже попрощался с этим миром. И его стойкая гордость последних минут отняла у него все силы. Теперь он возвращался в такую прекрасную жизнь, как будто заново впитывая цвета, чувства, красоту. Он был жив. И это было счастье. И вместе с тем он

продолжал терять своих друзей, соратников, что гнуло его к земле.

После этого мы с ним не сталкивались. Я только видел его личное дело, когда знакомился со всеми сколь-нибудь значимыми фигурами Проекта. И вот в апреле 1950 года встретились лицом к лицу в одноместной палате госпиталя Первого главка.

В воздухе витал неповторимый, туманящий душу и отдающийся слабостью в коленях больничный запах. Это был запах беспомощности, отчаяния и надежд. И запах скорого приговора, который тебе объявят, — финал ли настал, или ты еще покоптишь небо, радуя мир своими добрыми и злыми делами.

Ленковский лежал на белых простынях, и сам был белый, с перевязанной головой и уже сходящими синяками на лице, принявшими желтый цвет. Он выпрямился, присел, когда я зашел, и локтем неуклюже задел стоящий на тумбочке рядом с кроватью закрытый пузырек. Тот со стуком упал и покатился по полу.

Я внимательно посмотрел на бывшего учителя. Не так много времени прошло между нашими встречами — всего четыре года. Но будто пропасть пролегла. И страна уже жила по-другому. И город у меня другой — Москва. И дела совсем иные. А вот Ленковский все тот же. Разве что заматерел и стал куда более солидным. Но как и тогда — избитый, гордый и упрямый. Будто схлопнулись две точки на временном отрезке

наших судеб, явив мистическим образом повторение обстоятельств и событий. Вот только сейчас я выступал не в роли отважного спасителя, а скорее введливого следователя, устанавливающего картину происшествия, причины и, что самое главное, возможные последствия.

— Ну что, больной. Помните меня? — с улыбкой осведомился я, присаживаясь на табуретку рядом с койкой.

Он посмотрел на меня внимательно и с внутренней болью. Встряхнув головой, с каким-то вызовом воскликнул:

— Нет!

— Нижние Шатры. Березняковский лес. Профессор. Казнь председателя сельсовета.

— Не помню. Ничего не помню. — Он зажмурил глаза, будто надеялся, что я исчезну.

А вот это было совсем плохо.

— Что вообще помните? — продолжал напирать я. — Свое место работы? Должность?

— Я... Лаборатория... Точно, лаборатория.

— Какая?

— Не помню.

— Имя свое хоть помните?

— Михайло Ленковский.

— Где родились?

— Львовщина?... Да, кажется, так.

— И это все? — Возникшее у меня беспокойство теперь переходило в сильную досаду.

— Еще что-то урывками всплывает... Деревня у Львова. Голод... Брат... Разлуки. Разлуки...

В миру теперь Михайло Ленковский числился Михаилом Александровым. Он относился к так называемой авангардной сотне Проекта — так именовали мы основных специалистов, на которых и держится все. Многие из них вместе со всеми правами и обязанностями получали и другие имена — для внешнего мира. Зачем вся эта путаница? Потому что иначе нельзя. Потому что это Проект.

— А формулу Эйнштейна эквивалентности массы и энергии тоже не помните? — поинтересовался я.

— Как это можно не помнить! — искренне возмутился Ленковский. — Скоро первоклашки ее будут знать. Е равно эм цэ квадрат.

— Уже хорошо. Про нападение, случаем, не припомните?

— Нет! — вновь нервно воскликнул Ленковский.

Из коридора, как привидение — весь в белом и бесшумно, — возник вальяжный и степенный, щедро одаренный седой шикарнейшей шевелюрой заведующий неврологическим отделением. Он укоризненно посмотрел на меня и сделал приглашающий жест — мол, пора и честь знать. Больному нужен покой.

— Выздоровливайте, Михаил Иванович, — пожелал я и покинул палату.

Завотделением пригласил меня в свой плотно заставленный стеллажами и шкафами кабинет.

Предложил по русской традиции чаю, но я отказался. Рано чай гонять.

— Что скажете о состоянии больного? — поинтересовался я.

— Состояние удовлетворительное, — проинформировал заведующим бодро. — Травмы не внушают опасения. Сотрясение мозга ближе к легкому, тоже для жизни не опасно.

— Как думаете по характеру травм — что хотели нападавшие? — Я решил выудить у него все меня интересующее. — Убить? Покалечить?

— Мне кажется, нападавшие просто стремились обездвигить его и вытряхнуть бумажник. Хотели бы убить — убили. Или покалечили бы — переломали ноги, руки.

— Вы говорите, сотрясение мозга легкое. Тогда почему он потерял память?

— Эх, молодой человек, — покачал головой заведующий отделением. — Голова — самое темное место у человека. Мы очень мало знаем о том, как она устроена и что ждать от травматического воздействия на нее. Тем более, насколько я знаю, пациент воевал и получал в свое время серьезные контузии. А отдаленные последствия контузий вообще непредсказуемы. Вот и наложилась старая травма на новую. Обе не смертельные, но память отшибло.

— Как такое возможно, черт возьми?!

— Мы почему-то в душе считаем, что мы и наша личность — нечто идеальное и законченное. На самом деле человек — это просто меха-

низм по обработке информации. Такой мощный арифмометр. А механизмы имеют обыкновенные ломаться. Сбоить. Мы слишком мало знаем об этом чудесном и непонятном механизме — и о том, как его ремонтировать и какой гаечный ключ подходит в определенном случае. Не понимаем, почему серьезнейшая травма головы проходит бесследно, а вроде бы небольшой удар отключает целые области памяти. И человек забывает, где он живет, как его зовут.

— Но свои формулы он помнит отлично.

— Профессиональные навыки выпадают из памяти в последнюю очередь. Хороший токарь, забывший и себя, и родных, у станка продолжает мастерски точить детали.

— Вы хотите сказать, что он способен работать? — задал я ключевой вопрос. — Как раньше?

— Ну о том судить его начальству. Но логика, реакция на окружающее, когнитивные способности — все осталось нетронутым.

— Уже хорошо. — Обнадеженный, я чуток воспрянул духом.

В нашем деле каждый важен. И потеря такого специалиста, как Ленковский, конечно, далеко не катастрофическая, но достаточно болезненная. Потому что могут сдвинуться сроки испытаний «Астры-1», да и всего Проекта. А у нас каждый день на счету. Ведь именно этого дня в определенный момент может просто не хватить...

ГЛАВА 2

Я достаточно бодро барабанил по клавишам.

«Сов. секретно. Экз. ед.

Начальнику 2-го отделения отдела “К” МГБ
СССР

Полковнику Белякову С. А.

Рапорт»...

После Украины и кровавой борьбы с бандеровцами работа на Первый главк — это, можно сказать, отдых, курорт, санаторий. Вербовка источников, которые не могут не вербоваться хотя бы по характеру служебных обязанностей. Прикрытие тонких мест в режиме обеспечения секретности. Пригляд за академическим народом и прочими причастными. Конечно, оперативные разработки, не без этого, притом многие весьма любопытны и важны — специфика именно нашего отделения. И бумаги, бумаги, бумаги. В невиданных доселе мной количествах.

Раньше даже не за каждого убитого бандеровца отписываться приходилось — уложили, оставили в лесу, пускай его там волки едят. А здесь на каждый чих — рапорт. На каждый вздох — отчет. Не скажу, что это лишено оснований. Бумага — дело нужное и важное, а порой и решающее. Но все же я постепенно становлюсь канцелярской крысой.

Притом все бумаги, как на подбор, грифованные, от «сов. секретно» до «особой важности».

Вот и по нежным клавишам пишущей машинки своими массивными стальными пальцами потомственного кузнеца я теперь стучу вполне профессионально — натренировался. Конечно, разборка автомата у меня получается до сих пор куда лучше, но с такой канцелярщиной и с таким кругом обязанностей рано или поздно я вообще забуду, что это такое — пробираться по лесу, вламываться в бандитские схроны и ловить в прицел фигуру врага. Или не забуду? Вон врач утверждает, что профнавыки не забываются. Надеюсь все же если не забыть, то отодвинуть их за ненадобностью как можно дальше. И еще надеюсь, что такая война, как на Западенщине, вот-вот закончится и для меня и для всего нашего народа, воцарится тишь да гладь, и я буду заниматься всего лишь проверками режима секретности, а также интеллигентными шпионскими играми.

Итак, что надо изложить? Нападение на гражданина Александрова — новой фамилией Ленковского мы пользуемся даже в оперативных документах. В ночное время возвращался домой после работы, двигаясь от трамвайной остановки «Завод». Ему нужно было пройти метров семьсот через дворы, пересечь пару улиц, и он бы вышел к новенькому многоквартирному двухэтажному дому с покатою крышей в отстроенном немецкими военнопленными квартале. Там ему выделили однокомнатную квартиру — невиданная роскошь для одинокого человека, но для Проекта

это было в порядке вещей. У нас ценили полезных специалистов.

Ходил он этим маршрутом без каких-либо проблем уже год. И тут вдруг нарвался... Обнаружен сотрудниками трамвайного депо в бессознательном состоянии. Денег, ценных вещей при нем не было. Данных, свидетельствующих о том, что имело место покушение на убийство или причинение тяжких телесных повреждений, не найдено. Вывод — обычный разбой. В тех местах, раскинувшихся вокруг моторного завода, где полно рабочих бараков и питейных точек, это не такая уж и редкость.

Я вздохнул, ощущая, как во мне просыпается рабовладелец. Эх, зачем вообще выпускать ключевых сотрудников Проекта в большой мир? Живут же многие из них в закрытых городах под чутким присмотром МВД и МГБ, не жалуются. А лучшая форма работы с научной интеллигенцией — шарашка. Такое закрытое учреждение тюремного типа, где созданы все условия для нормальной жизни и, главное, работы. Многим там даже нравится. Там они только делом занимаются и никто их не обидит.

Но понятно и ежу, что со всеми спецами такое не получится. Слишком много в Проекте задействовано лабораторий, институтов и предприятий, разбросанных по всей нашей бескрайней Советской стране. Вот и работают наши подопечные в обычных городах, ходят по обычным улицам, живут пусть в неплохих, но тоже обыч-

ных квартирах. И попадают в обычные неприятности.

Так, ладно, довольно досужих измышлений, вернемся к рапорту. Итак, у потерпевшего похищено: авторучка с золотым пером, портмоне кожаное, портсигар серебряный. Это все ерунда. Безделушки. А вот эта штука посерьезнее — портфель, немецкий, дорогой, с серебряными застежками и выдавленной на коже фигурой орла. Это уже гораздо хуже. Когда похищают портфель у секретносителя, всегда возникают неудобные вопросы.

Туча отползла в сторону, и мой тесный кабинет озарило яркое апрельское солнце. Весенняя хмарь отступала, призывая лето.

Я нервно повел плечами. С некоторого времени не люблю, когда солнце лупит открытыми лучами. Больше по душе низкие облака и серость. Почему? Есть причины.

Я встряхнул головой. Перечитал рапорт. Аккуратненько тонким пером и лезвием бритвы подправил опечатки. Поставил размашистую подпись рядом с подытоживающим бумагу «старший оперуполномоченный майор И. П. Шипов». Положил плод своих бюрократических усилий в бумажную папочку. Закрепил скрепкой. И отправился к начальству по безлюдным коридорам нашего двухэтажного особняка на Арбате.

Полковник Беляков, он же мой прямой и непосредственный начальник, сильно смахивает на бульдога. Такие же толстые обвисшие щеки,

такие же мелкие глазки. И так же время от времени не прочь полаяться и вцепиться в загривок. Но все же больше прославился он едкой иронией, которой гвоздил подчиненных не хуже стилета — тонко, точно и порой достаточно больно.

Застал я его за любимым занятием — чтением газет. Он как раз углубился в статью об американских нравах.

«Сенатор Джозеф Маккарти, в начале года фактически объявивший охоту на ведьм, заявил, что более 200 сотрудников Госдепартамента Соединенных Штатов Америки являются коммунистами и им сочувствуют. Проводится активная политика жесточайших репрессий всех подозреваемых в сочувствии к коммунистическому движению».

Вычитав это, Беляков пребывал в фазе возмущения:

— Нейдется им! Все коммунисты покоя не дают! Будь там столько коммунистов, сколько они насчитали, американцы давно бы отчитывались по урожаям в колхозах Алабамы!

— Да, нагнетают, — кивнул я.

— Капиталисты совсем обнаглели!

Это была его любимая фраза. На совещании мог сказать ее раз пять, и хотя обнаглели капиталисты, но пропесочивал он нас.

— Ты присаживайся. — Он отбросил газету на свой широкий стол и тут же, позабыв о происках капиталистов и охоте на ведьм в США, углубился в изучение моего рапорта.

— Похищены бумажник, авторучка английская за двести рублей с золотым пером. Это он сам сказал?

— Ну как похищены, — смутился я. — Коллеги говорят, что эти предметы всегда были при нем. А когда его нашли — уже не было. Сам он ничего не говорит.

— Не говорит — это понятно. Непонятно, что думает, — изрек наставительно полковник — мастер всяких глубокомысленных изречений. — Как его состояние?

— Долго держать в госпитале не будут. Физически здоров. Если не считать проблем с головой.

— И как, велики проблемы?

— Место работы, адрес и знакомых вспомнить не в состоянии. Но формулы помнит. Может, и вернется к работе.

— Ну это как академик Циглер скажет. Будет ли польза от умственного инвалида? Он уже оборвал телефон. Говорит, что Ленковский ему нужен до зарезу.

— Без него никак?

— Процесс отработывают. «Астра» на подходе.

— Это все дело для врачей. А наша работа закончена. Пусть милиция теперь напрягается. Им холку надо мылить, почему граждане вечером по улицам ходить без опаски не могут.

— Милиция, милиция, — задумчиво протянул начальник. — Моя милиция меня бережет...

— Так точно. Пусть и дальше бережет. Надавим на них, чтобы с энтузиазмом рыли землю. Искали разбойничков. Они тут доки. А мы беречь Проект будем. Так? — испытующе посмотрел я на полковника.

— Так, да не так. У тебя ведь совсем уж срочных дел нет? — ласково поинтересовался он.

— Как это! У меня командировочное на руках. Организация оперативного прикрытия нового объекта — Загорье, — начал перечислять я. — Агентурное дело «Супостаты».

— Там без тебя справятся. Разработка «Супостаты» вялотекущая, больше профилактическая. Там неожиданных поворотов быть не может.

Я уже понимал, куда он клонит.

— Товарищ полковник. С Ленковским — это обычная мелкая уголовщина. Нам что, заняться нечем?

— Вот как-то легкомысленно рассуждаешь. Это у тебя с Полесья идет, где беги да стреляй. А у нас дело тонкое.

Про тонкое дело — тоже любимое его выражение, которое обычно заканчивалось каким-то поручением, порой бесполезным и дурацким.

— Капиталисты, — ткнул полковник пальцем в газету. — Они же не дурачки. Они же работают. Они же козни ткнут, как пауки паутину. Поэтому когда что-то происходит неординарное, чекист что должен видеть?

— Происки западных спецслужб, — устало кивнул я.

Беляков славился своей паранойей. Он везде и всегда высматривал эти самые происки. Самое смешное, не так уж и редко его паранойя оправдывалась. Да, на такой должности нужен именно параноик. Который не упустит ничего. Тут с ним мало кто мог состязаться. Хотя вижу, что сейчас он мается дурью.

— Именно!

— Семен Артемьевич, какие происки? — вздохнул я. — Были бы происки — Ленковского убили бы. Покалечили бы. Похитили.

— Э, происки — они разные бывают... Ты вообще читал, что написал? — Он положил ладонь на рапорт.

— И даже писал.

— Бездумно писал. Вон, список похищенного. Дальше я знал, что он скажет.

— Портфель. А в портфеле что?

— Ну уж не секретные документы. Наши ученые даже философские идеи об устройстве Вселенной и ее окрестностей в секретные блокноты записывают, которые в сейф кладут, — резонно возразил я. — Приучили их.

— Портфель большой. А физик наш — человек творческий. Мало ли что закинуть туда мог.

— Что именно он мог туда закинуть?

— Вот это ты и выяснишь, — ласково проворковал Беляков и, видя полное отсутствие энтузиазма, добавил: — Ну а если обычная уголовщина, то и это наше дело. Участники Проекта должны наглядно видеть, что за любую агрес-